

Тайна двух Элли

Моей правде. - 1991. - 23 июля

Патриция Томпсон просит называть себя Еленой Владимировной. На книге Маяковского, которую я дала ей для автографа, после слов: «Приезд в Москву — это осуществление мечты» — она также поставила: Елена Владимировна. Это имя ей было дано при рождении. «Две Элли» — мать и дочь — были любовью и тайной поэты, в которую были посвящены очень многие и которая сохранялась до 1990 года.

19 июля, в день рождения Владимира Маяковского, в его музее по традиции был проведен вечер поэзии. Но это был особенный вечер — на нем впервые присутствовали дочь поэта и его внук Роджер, приехавшие в Москву по приглашению Союза писателей СССР. Были в зале и люди, тесно связанные с его судьбой: директор школы, носящей имя Маяковского, старейшие работники музея, по крупицам собиравшие материалы для экспозиции, Мазель Исаевна Фейнберг, в доме отца которой — Исаея Яковлевича Хургина, первого торгового представителя СССР — ровно 66 лет назад по приезде в США жил Владимир Владимирович, Анелъя Алексеевна Ходасевич, с которой поэт встречался еще совсем молодым.

Маяковский — поэт, Маяковский — трибун, может, впервые был осужден в этом зале и как человек во плоти и крови, как отец. И поэтому самым волнующим стал момент, когда после выступлений поэтов Геннадия Айги, Александра Ткаченко, Валентина Берестова, Владимира Еременко, американской поэтессы Маргрет Барингер к микрофону подошла Патриция Томпсон, или Елена Владимировна. — Я не поэт, я только дочь поэта. Но если бы мне захотелось писать стихи, то вместо бумаги я взяла бы Красную площадь, а вместо компьютера поставила бы дом отца на Лубянской и вставила бы туда дискету памяти со всем тем, что вы здесь говорили. А тогда уже начала бы свое стихотворение. Но как может дочь поэта писать? Я могу почувствовать стихотворение, продумать его, но написать не смогу. А чувствами своими с вами могу поделиться. И память о вас будет источником энергии в моих воспоминаниях. То, что вы здесь читали и говорили, не может создать никакой компьютер. На это способны лишь человеческие сердца. И сегодня они бьются в унисон. Это новая музыка, новая песня, новое стихотворение.

Мне удалось встретиться с Еленой Владимировной на следующий день после поэтического вечера в музее Маяковского — в мастерской скульптора Елены Александровны Косовой. Эти две Елены при первой же встрече нашли общий язык, и не только потому, что Косова как преподавательница английского языка может общаться с Патрицией Томпсон без переводчика. Елена Александровна, лишь 12 лет назад впервые взявшая в руки глину, еще в 1977 году сделала скульптурный портрет Маяковского. Это была вторая ее работа. И теперь она подарила ее дочери поэта.

В мастерской Косовой я стала свидетельницей очень интересных дискуссий, позволивших

узнать Елену Владимировну не только как дочь Маяковского, но и как увлеченного человека, ученого, автора десяти книг. И все-таки Владимир Владимирович незримо присутствовал при каждом разговоре. Ведь, по горькому признанию Елены Владимировны, она стала теоретиком семейных отношений потому, что не имела своей собственной полноценной семьи, была разлучена с бабушкой, двумя тетями. И лишь несколько дней назад впервые встретилась с дальней родственницей по линии отца Светланой Володиной — ее прабабушка была родной сестрой отца Владимира Маяковского.

— У каждого мужчины и женщины в жизни бывают такие обстоятельства, которые нельзя контролировать и которые не поддаются анализу со стороны, — говорит Елена Владимировна. — Если бы у человека было больше возможностей, то и выбор не был бы таким сложным, а подчас даже трагическим. Иногда при решении личных проблем люди надеются на время, которое есть впереди. Но, увы, этого времени может и не быть отпущено. Разве мог кто-то предполагать, в том числе и мать, что мы потеряем Владимира Маяковского таким молодым?

Может быть, останься он жив, время распорядилось бы по-другому судьбами двух людей, объединившихся в новом живом начале — дочери. Очень много жизненных обстоятельств способствовали их сближению, а затем разлуке.

Елизавета Петровна Зиберт, Элли-первая, по происхождению из семьи немецких баронов, обосновавшихся в России еще в XVII веке. Родилась она под Уфой в имени своих родителей, в 1904 году. В начале двадцатых

познакомилась с молодым англичанином Джорджем Джонсом, приехавшим помогать голодающим Поволжья, согласилась стать его женой и уехала с мужем в Великобританию, а затем в США. Брак этот не был долговечным, но очевидно, когда на вечерне Маяковского Элли Джонс познакомилась с поэтом, развод еще не был оформлен.

Они почти не расставались все время, пока поэт был в США. Узнав, что любимая женщина ждет ребенка, Маяковский писал нежные трогательные письма и просил сообщать обо всем на адрес сестры Ольги Владимировны, не желая, чтобы корреспонденция попала к Лиле Брик. Он рвался к дочери и, не имея возможности еще раз поехать в США, договорился о встрече в Ницце, куда вырвался из Парижа. Но это свидание с «двумя милыми Элли» было последним. В 1930 году поэта не стало.

После смерти Маяковского Элли Джонс вышла замуж и уехала вместе с мужем в отдаленный штат, где их никто не знал. Она стала Элизабет Петерс, вернув свое девичье имя, только в американской транскрипции. Для сохранения тайны было изменено и имя девочки, которую назвали Патрицией. Однако в девять лет она узнала правду о своем рождении. Но пока были живы мать и отец, все связанное с Маяковским оставалось семейной тайной.

Возможно, во время пресс-конференции, назначенной на 29 июля, Елена Владимировна ответит на многие интересные нас вопросы и расскажет более подробно о сложных взаимоотношениях матери и отца. Во время моего разговора с ней я не стала об этом допытываться. Слишком остро и больно еще было все для нее. После восемнадцати часов перелета она сразу поехала на Новодевичье кладбище на могилу отца. И там, став на колени, стала разрывать руками землю, чтобы захоронить прах матери, который привезла в мешочке на груди. А когда ей предложили помыть руки, Елена

Владимировна со слезами целовала свои загорелые пальцы, говоря, что это русская земля.

А потом она пришла в «комнатенку-лодочку», где жил и где умер отец. И работники музея Владимира Маяковского стояли на страже возле двери, потому что Елена Владимировна пожелала побыть одна. А для нее самое трудное в Москве — остаться одной.

Лишь встреча с Вероникой Полонской, по желанию хозяйки, обошлась без свидетелей. Женщинам было о чем поговорить наедине.

И все-таки я смогла задать несколько вопросов Елене Владимировне, и она охотно на них ответила.

— Каковы ваши первые впечатления о Москве?

— Когда я приехала в Москву, то почувствовала, что посмотрела в глаза истории. Это для меня, как осуществившаяся мечта, как сбывшийся сон. Очень милый сон. И он еще продолжается.

— Вы долгое время жили с тайной, которая теперь стала известна всем. Какие чувства это у вас вызывает?

— Тайна была для других, но не для нашей семьи. Мы с мамой всегда жили с этим в сердце. И теперь я чувствую облегчение оттого, что смогла наконец исполнить ее волю — захоронить ее прах рядом с отцом. Раз они не смогли быть вместе при жизни — пусть будут рядом после смерти.

Никогда не бывает, чтобы у человека были все кусочки жизненной головоломки. Приехав в Москву, я как бы нашла недостающие звенья.

— Владимир Маяковский — близкий, родной вам человек. Но близок ли он вам как поэт?

— Не было бы честно с моей стороны сказать, что это так. Близки отдельные его стихи. Но есть гораздо более важное, о чем вы и не подозреваете. Все, что спрашивает меня о Маяковском, подразумевают, что он — вне меня. А у меня совсем другое ощущение. Я даже называла се-

бя не Маяковской, а Маяковским, настолько чувствую, что смотрю на мир его глазами, эмоционально воспринимаю людей, природу, как он.

Я лишь дочь поэта, но из-за того, что мне дано это Богом, чувствую себя счастливой. Мне доводится переживать целую гамму чувств. Иногда эти чувства очень болезненны, иногда восхитительны. И впервые я могу сказать обо всем этом открыто.

В Америке мой характер не понимают, а в Москве понимают. Здесь не скажут: «Женщине так вести себя нельзя». Как я могу быть другой, если во мне — кровь Маяковского? Когда мне заявляют, что у женщины не должен быть такой сильный характер, я отвечаю: «У меня не было выбора». И здесь, в Москве, я особенно ощущаю энергию моего отца, которую воспринимаю через людей, деревья, дома.

— Понравился ли вам дом-музей Владимира Маяковского, концепция которого до сих пор вызывает много споров? В свое время наша газета выступала в его защиту.

— При посещении музея я испытывала два чувства. Я почувствовала, что комната отца сохранена почти полностью, но все-таки было ощущение, что ее стерилизовали. Сердце говорило, что по чьей-то воле исчезло что-то очень важное для отца — сокровища его мыслей и чувств. Второе мое ощущение связано с тем, что музей — это не холодное, а эмоциональное, интеллектуальное пространство. Здесь внутренняя работа поэта как бы обрела внешние формы. Музей открывает мир образов, внутренний мир художника. Думаю, что второго такого нет нигде.

Тайна двух Элли, о которой наша газета писала 15 мая прошлого года, перестала быть тайной. Хотя и раньше в нее были посвящены некоторые близкие Маяковскому люди. Есть, например, упоминания о дочери поэта у Натальи Брюхаченко, хотя эти абзацы в ее воспоминаниях перечеркнуты и на бумагах стоит резолюция «Никому не давать для чтения». Знала о тайне поэта также Софья Шемардина, и хотя она в воспоминаниях, посвященных Лиле Брик, ничего об этом не написала, но рассказала все своему близкому другу С. Кэраду. А он задумал и написал повесть «Дочка», рукопись которой принесли на днях директору музея Владимира Маяковского Светлане Ефимовне Стрижневой. По ее словам, повесть заканчивается словами о том, что придет день, когда мы узнаем о дочери, которая станет к тому времени взрослой и будет иметь своих детей. И тогда станет известно все.

Теперь это время пришло.

Л. ФОМИНА.

На снимке: у бюста Маяковского дочь поэта, скульптор и внук Владимира Владимировича — Роджер.

Фото автора.

Маяковский В.